

Константин Логинов

«Раздача боли и страха» в русских мальчишеских играх середины XX в. (на примере г. Вытегры и сопредельных территорий)

Термин «раздача боли» был обоснован и введен в научную, прежде всего юридическую, сферу норвежским криминалистом, профессором Университета в Осло Нильсом Кристи (Neils Cristy). На русском языке его главное исследование «Пределы наказания» было опубликовано достаточно давно и стало библиографической редкостью [Кристи 1984]. Однако текст работы размещен в интернете, так что ознакомиться с ним несложно¹. Не будучи сторонником ни чрезмерно сурового наказания (так называемого «удерживающего воздействия» на личность преступников), ни слишком мягкого (так называемого «некарательного воздействия»), Нильс Кристи призывал прокуроров и судей к проявлению «средней» степени суровости воздаяния за преступления [Кристи 1984: 15, 22–24, 51 и след.]. В этом случае, по его мнению, решение о «раздаче боли» будет восприниматься обществом и преступником как вполне достаточное: не слишком суровое, но и не излишне мягкое. В культурно-антропологическом контексте термин «раздача боли» (в буквальном смысле — боли физической, а не какой-либо иной) прозвучал в докладе на международной конференции

Константин Кузьмич Логинов
Институт языка, литературы
и истории КарНЦ РАН,
Петрозаводск
kuzmich@onego.ru

¹ См., например, на сайте «Россия от А до Я»: <http://www.a-z.ru/assoc/sydebnprav/lib/n_cristy.htm>.

«Человек в истории: героическое и обиденное» (18–21 сентября 2012 г., Петрозаводск) петрозаводского историка Максима Пулькина — «Раздача боли: насилие в общественной и личной жизни в XVIII — начале XX в. (по материалам Олонецкой губернии)». Выступление коллеги произвело большое впечатление на автора данной статьи. На той же секции он сделал доклад о традициях в области «раздачи боли и страха» в мальчишеских играх¹ родного города в 1950–1960-е гг. Этот доклад и лег в основу настоящей статьи.

Разумеется, это далеко не первое исследование игр русских детей и подростков, одной из основных целей которых было получение и / или причинение болезненных ощущений либо страха. Отдельные описания подобных игр обнаруживаются еще в классической работе Е.А. Покровского [Покровский 1994]. В наши дни ценные наработки по затронутой теме представлены в статьях Т.Б. Щепанской [Щепанская 2001; 2005]. Данная статья призвана дополнить имеющиеся сведения о такого рода играх.

Материалы самозаписей автора относятся к 1950–1960-м гг.², т.е. периоду, когда многие детские и подростковые игры в провинциальной глубинке России все еще сохраняли очевидный отпечаток «традиционности». В родном для автора городе Вытегре Вологодской области во второй половине 1950-х гг. мальчики старшей группы детского сада (в 7 лет) считались уже достаточно взрослыми, чтобы возвращаться домой самостоятельно. По вечерам образовывались детские компании, которым было по пути идти домой. Без надзора родителей и воспитателей можно было играть, как вздумается. Дома автора вовлекал в игры старший брат и его друзья, которые были старше на 4–6 лет. Для сохранения компонента «традиционности» тех игр это было чрезвычайно важное обстоятельство, поскольку в середине прошлого века под влиянием индустриальной культуры многие элементы традиционной русской культуры стремительно размывались и отмирали.

Суть правил, по которым в мальчишеской игре происходила «раздача боли и страха», легко понять из простейшей забавы, в которой осуществлялась «раздача» одновременно того и другого. Называлась она «На кого Бог пошлет». Чтобы начать игру, кто-то из детей набирал из-под ног полную пригоршню

---

¹ В докладе, как и в статье, отсутствуют данные о «девчоночьих» играх, в которых автор не участвовал, если не считать «детсадовского» опыта совместных игр под руководством воспитателей.

² Самозаписи автора оформлены как постраничные записи в «Полевом дневнике № 3 Логинова К.К. полевого сезона 2012 г.». Они хранятся в Научном архиве Карельского научного центра РАН (далее — НАКНЦ).

небольших камешков или раздавленной колесами автомобилей сухой грязи и подбрасывал их вверх, выкрикивая: «На кого Бог пошлет!» [НАКНЦ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 797. Л. 40]. По правилам игры нельзя было бросать камни и комки грязи на головы товарищей, минуя свою. Тот, кто начинал игру, попадал под падающие камни и грязь вместе со всеми. Из страха получить удар, мальчики втягивали головы в плечи, защищали ее ладонями, а самые резвые отбегали в сторону. Степень болезненности могла быть разной, как кому повезет. Пробитых камнями черепов не было, но небольшие гематомы от камней и крупных кусков сухой грязи иногда получали. Однако реветь и обижаться было нельзя: это правило игры. В любой момент каждый из компании мог начать игру снова. О таких развлечениях (правда, в других областях России в воздух часто подбрасывался песок, а не камни) могут вспомнить многие соотечественники старше 60–70 лет, если их детство проходило в деревне либо в провинциальном городе.

Как сказано выше, универсальную коммуникативную роль боли в «болевых играх» подростков-сверстников весьма успешно исследовала Т.Б. Щепанская на примере подростковых игр «ступалочка» и «Передай другому» («передавалки»), которые бытовали в прошлом веке среди школьников 6–9-х классов в таких крупных городах, как Москва и Ленинград [Щепанская 2005: 79–81]. Их суть состояла в том, чтобы с улыбкой или с деланным безразличием претерпеть боль и не стать изгоем, презираемым в кругу одноклассников. В городе Вытегре и ее окрестностях в 1960-е гг. «ступалочка» не была распространена, хотя общие представления о ней мои сверстники имели. Истории о попытках внедрения этой игры в мальчишескую среду мне приходилось слышать не только от городских детей, но и от сельских, с которыми мы знакомились, когда бывали в пионерских лагерях. «Ступалочка» не привилась, поскольку мальчишки Вытегры не были готовы переносить ее агрессивное начало и чрезмерно тесный контакт: одноклассник или друг, который прыгал и наступал на носки твоих ног, тут же получал в ответ удар кулаком «в поддых» (солнечное сплетение) или по лицу. Неожиданное причинение боли при тесном контакте у вытегорских мальчишек всегда становилось началом драки, а вовсе не игры.

Игра в «передавалку» бытовала ограниченно. Автору пришлось играть в нее всего пару раз за детство и отрочество. Поскольку удар в грудь наотмашь совершался тыльной стороной ладони и с расстояния вытянутой руки, оставалось время, чтобы сообщить, что имеет место игра, а не начало драки. Гораздо чаще мальчишки играли в «подзатыльники». По считалке выбирали ведущего, который, отвернувшись, сгибал правую руку в локте

и упирал ее ладонью себе в затылок. Вслед за этим ведущий получал сильный удар по локтю, после чего ему следовало повернуться и угадать, кто ему «врезал» [Логинов 2010: 145]. Т.Б. Щепанская именует подобную игру «угадалкой» [Щепанская 2005: 82]. «Коммуникативная» теория, развиваемая Т.Б. Щепанской, убедительно объясняет причину участия мальчишек в этой болевой игре. Однако она не проясняет смысла игр, в которых «раздачу боли и страха» дети и подростки навлекали на себя сами, не причиняя их другим лицам. Такого рода игры, которые можно назвать «игровыми конфликтами» [Логинов 2010: 126], бытовали прежде, встречаются они и в наше время.

Традиционный способ проведения подобной игры (для «затравки» во весь голос распевали пародии на святочные восхваления в адрес отдельных семей) описан в одной из монографий автора, посвященной жизненному циклу русских Водлозерья [Логинов 2010: 146–147]. В 1950–1960-х гг. в Вытегре и округе такая игра называлась «Быка дразнить». Подростки, приглашая приятелей к игре, так и говорили: «Айда быков дразнить», если заранее не знали, кто станет ее объектом, или называли персональное уличное прозвище того, кого они намеревались спровоцировать [НАКНЦ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 797. Л. 36–37]. В итоге, оскорбляя обидными прозвищами более сильного, чем они, подростка или юношу (с которым, как правило, им было не справиться даже вместе), дети сами напрашивались на «раздачу боли и страха». Смысл игры состоял в том, что каждый из младших ребят испытывал свое личное везенье: погонится ли за ним сильный парень, и если погонится, то догонит ли, больно ли отколошматит и т.д. При этом тот, кому доставалось (так, чтобы впредь помнил и не желал повторения игры), должен был перетерпеть боль, не заплакать, не обнаружить слез перед товарищами. По большому счету, полноценно перенесенная боль в игре приравнивалась к маленькой инициации, своеобразному экзамену на зрелость в своей возрастной группе¹. Таким образом, цель данной игры была не в установлении коммуникативных связей между вольными и невольным участниками игры.

Не преследовалась цель установления коммуникативных связей в играх старших ребят также в случаях, когда, дразня или по-разному унижая младшего товарища, они доводили его до состояния эмоционального срыва [Логинов 2010: 126]. Порою

---

¹ В 1960-е гг. в Вытегре существовал локальный вид этой игры. Мы называли его «Прыгнуть на бычарку». Никакой «раздачи боли и страха» в игре не было. Младший школьник подкрадывался сзади к знакомому («со своего края») мальчику, который учился классом старше, и плечом или руками сталкивал с тротуара на траву, после чего быстро убежал. Имидж «старшего» (и потому более «сильного») при этом ничуть не страдал, зато младший повышал самооценку.

объектом игры становился «психованный» ребенок, который кидался на старших, бросая в своих обидчиков кирпичи, топоры, ножи и другие травмоопасные предметы. Именно так выглядела реакция паренька Миши из пригорода Вытегры, если, дразня, у него спрашивали: «Машка! Как поросята?» Холодок пробежал, когда все мы обращались в паническое бегство, спасаясь от «солобона» Мишки. Если это была коммуникация, то более чем странная.

У вытегорских детей были и другие игры, «санкцию на болевое воздействие в которых дает сам человек, на которого оно направлено» [Щепанская 2005: 86]. Игра «Сунь пальчик — там зайчик» (указательный палец неосведомленного ребенка, исполнившего просьбу, больно ущемлялся в кулаке заводилы игры) известна, наверное, многим людям, выросшим в послевоенные годы. Разновидностью развлечения «с санкционированным болевым воздействием» («вербальной провокацией» [Щепанская 2005: 87]) была игра «Хром — мех — вата», распространенная, вероятно, не только у вытегорских школьников в 1960-е гг. Провокационный вопрос, после которого начиналось «санкционированное воздействие», звучал так: «А из чего это у тебя (зимняя) шапка?» За любым из трех возможных ответов следовал сильный удар ладонью по шапке под выкрик: «Где хром, там и гром!», «Где мех, там и смех!», «Где вата, там шапка в говно смята!» Молодцом в этой игре считался тот, кто успевал осознать свой промах и тут же ответить ударом по шапке товарища с правильным (по негласным условиям игры) выкриком.

Участвовать в играх с «раздачей боли и страха» дети начинали с довольно раннего возраста, с 3–5 лет. Например, в игре «Голова — ноги» ребенок сворачивался калачиком и обхватывал руками колени, после чего старший товарищ толчком скатывал его с крутого пригорка [НАКНЦ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 797. Л. 37–38]. В огороде автора это была вершина надземной части картофельной ямы. Страшней было скатываться спиной назад (в этом случае мы не видели возможных опасностей и не имели возможности заранее сгруппироваться). Боль причиняли удары о попадавшие камни или незаметные в траве предметы, но ее пересиливал страх от скатывания в неизвестность. Боль и страх надо было перетерпеть, чтобы старшие ребята не прогоняли нас прочь и хотя бы иногда принимали в свои «взрослые» игры. Игры такого типа, видимо, можно отнести к разряду и «коммуникативных», и «статусных болевых игр».

С появлением на улицах деревень и провинциальных городов бесхозных автопокрышек от ЗИСов и МАЗов (не ранее 1940-х гг.) игра модернизировалась. Называть ее стали «Ката-

ние в колесе» [НАКНЦ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 797. Л. 38–39]. Дети младше пяти-семилетнего возраста к этой игре, как правило, не допускались¹. Мальчик или подросток забирался внутрь вертикально поставленного колеса и скатывался под уклон (с небольшого пригорка). Страх появлялся, как только заметно ускорялось вращение, а боль причиняли удары о землю, кроме того, было почти невозможно вовремя затормозить и удержать вертикальное положение колеса до его остановки. Зато умение удерживать равновесие во время движения обеспечивало «серьезный» уличный престиж такому ловкачу.

Издавна известна игра «Катание на чураках» [НАКНЦ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 797. Л. 39]. «Чураком» в Вытегре и ее округе называли круглый короткий обрубок кряжа (нижней части ствола), предназначенный для дальнейшей расколки и топки. Неровная окружность чурака (и неровная поверхность земли) отличают его от циркового барабана, на котором акробат или клоун раскатывают по цирковой арене. Среди пытавшихся проделать то же не было такого ловкача, кто бы никогда не падал и не ушибался о землю или чурак, не получал мелких растяжений во время этой игры. Ее разновидностью было «Катание на бревне». Эта игра проводилась исключительно на воде [НАКНЦ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 797. Л. 39]. Многим из нас эта забава удавалась, хотя, соскальзывая с вращающегося бревна, мы нередко царапали себе живот или ушибали «пятую точку». Мальчишкам Обонежья традиционные игры, связанные с «кувырканием / катанием» на чураках или бревнах, ощутимой пользы в дальнейшей жизни не приносили. А вот сельским девочкам 9–13 лет, если их привлекали на работы по сплаву бревен в кошелях (специальных плавучих ограждениях) через озера, умение балансировать на пляшущем в волнах бревне в прежние времена обеспечивало неплохой заработок. Они раскручивали ногами бревно силового ворота с намотанным на него, словно на шпульку, канатом, за который плот и весь кошель подтягивали к заброшенному в озеро якорю, чтобы двигать бревна вперед [Логинов 2010: 136].

Дореволюционная городская игра «Казачи-разбойники» [НАКНЦ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 797. Л. 41] была популярна у сверстников моего старшего брата. Правила этой игры в нашем городе радикально отличались от тех, что описаны в популярном издании Володченко и Юмашева [Володченко, Юмашев 1984: 107–112]. По большому счету общими были лишь наличие за-

---

¹ Однажды данное правило было нарушено товарищем брата по прозвищу Кара (мать звала его «Божья Кара»). Он помог мне разместиться в покрышке и придал ей ускорение, благодаря чему искомая устойчивость шины была обретена. После того как шина ударилась о колодезный сруб, меня пришлось унести домой на руках.

ранее оговоренной территории для проведения игры и принцип распределения ролей в игре по жребию. Никаких «паролей / печатей» для «заколдовывания / расколдовывания» у вытегорских игроков не было. Если участников изначально было маловато, то играли две команды. Причем среди «казаков», когда они заканчивали отлавливать «разбойников», проводилась дополнительная жеребьевка, чтобы выбрать «представителей правосудия». Если же игроков было много, по жребию набирались сразу три команды. Кому кем быть, определяли надписи на скрученных в трубочку бумажных полосках-жеребьях, которые вынимались из зимней шапки или фуражки и зачитывались вслух. Не исключено, что до школы старшие товарищи меня регулярно обманывали, поскольку быть «судьей», «палачом» или «прокурором» мне не довелось ни разу¹. Несчастливой оказывалась роль младшего, а значит самого слабого игрока. Когда он оказывался «казакком», любой «разбойник» отшвыривал в его в сторону так, что он летел кубарем. Если на младшего выпадал жребий «разбойника», его отлавливали первым и, сильно заломив руки за спину, вели к «судье». Тот, не скупясь, назначал число «пинков», «затрещин», «оплеух», «горяченьких» и «капустинок»², «прокурор» их добавлял, а «палач», как ему предписывалось правилами, с удовольствием и пристрастием исполнял вынесенный «приговор». Помню, что мне каждый раз с трудом удавалось сдерживать себя, чтобы не разрыдаться. Однако к середине 1960-х гг. играть в столь жесткую игру уже мало кто хотел. В какие бы мальчишеские компании в пионерских лагерях я ни попадал, предложение сыграть в «казаков-разбойников» неизменно отвергалось сверстниками. В моей памяти игра в «казаки-разбойники» осталась «статусной болевой игрой» в наиболее чистом ее виде. Но, повзрослев, я понял, что старший брат и его друзья принимали меня в игру не только ради того, чтобы поиздеваться: они «включали» меня в их собственную «коммуникационную среду».

¹ Стоит обратить внимание, что в послевоенных Петрозаводске, Кондопоге и Сортавале военнотрудовые срочной службы, впервые попадая на гарнизонную гауптвахту, проходили через «принятие присяги», во многом восходившее к традициям «вытегорской» игры в «казаки-разбойники». «Дедовщины» в советской армии тогда еще не существовало. К тому же в армию приходили юноши в возрасте не 18–19, а 22 лет. Среди персонажей зародившейся тогда великовозрастной игры совсем не было «прокурора». Зато имелся «адвокат», который просил у находящихся в камере заключения о снисхождении за впервые совершенную провинность. Совсем избежать «раздачи боли» было нельзя, но несколько ударов легкой алюминиевой ложкой по мягкому месту через солдатские штаны — это ничего по сравнению с садистскими издевательствами «солдатской присяги» 1970–1990-х гг.

² «Горяченькие» получались от быстрого скользящего удара по оголенной коже предплечья, «капустинки» — от скручивания кожи на верхней поверхности ладони между большим и указательным пальцами.

Отрицательные эмоции с детства остались и от игр, которые можно назвать «играми на гибкость» [НАКНЦ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 797. Л. 36]. Вплоть до подросткового возраста мы без труда закладывали ноги за голову. Но наступало время, когда без посторонней помощи снять ногу уже было невозможно. Тогда в игру начинали вмешиваться старшие товарищи, в результате чего невинная забава оборачивалась испытанием продолжительной болью. Однажды друзья брата заправили мне ноги за голову и, забыв об этом, ушли купаться. Пережить еще раз такую длительную боль мне довелось, когда брат с друзьями (под впечатлением от какого-то зарубежного фильма) решили проверить, действительно ли человек может потерять сознание от щекотки. Меня привязали к спинке кровати и щекотали, пока тело не обвисло на железных прутьях. На мое счастье, в это время на улице стали драться соседские петухи, и эксперимент не был закончен. Освободил меня от веревок сосед, на котором в детстве был проведен такой же опыт.

Игра «Пробка на воде» [НАКНЦ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 797. Л. 36] была «коммуникативной» и предусматривала исключительно «раздачу страха», порой панического. Дошколятам «пробки» не делали, это считалось садистской выходкой, а не игрой. Когда такое случалось, по вытегорскому обычаю, нарушителя правил ждала немедленная и жестокая трепка со стороны друзей или взрослых. Игра дожила до наших дней, ничуть не изменившись, и практикуется повсеместно. Выбрав объект нападения, старший по возрасту предупреждал громким голосом: «Пробка такому-то!» Неожиданно нападать не полагалось, иначе пропадало главное удовольствие от игры — увидеть страх на лице того, кому собираются «сделать пробку». Поскольку купались обычно большой компанией, пострадавший мог тут же отыгаться на более слабом товарище. А у слабых игроков была абсолютная защита — не заплывать туда, где ноги не достают до дна. Другой защитной линии поведения меня научил сын квартировавшей у нас учительницы. Нужно тренироваться и при каждом купании задерживать дыхание. Уже через год, оказавшись объектом этой игры, я в ответ без страха спутывал руками и ногами старшего товарища, удерживая его под водой, пока тот не впадал в панику и не начинал сам от меня вырываться. После нескольких случаев применения этой тактики желающих сделать мне «пробку» не осталось. Преодоление мальчиками страха перед возможной «пробкой» во время купания исполняло ту же коммуникативную функцию, что и многие «болевые игры».

Одной из игр детства автора была забава, восходящая к традициям сельских подростков, возраст которых еще не позволял им заходить на беседы невестившихся девушек и взрослых пар-

ней. Исследователи относят ее к разряду игр-«страшилок», в Вытегре же дети говорили всегда описательно: «пугать страшными голосами» [НАКНЦ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 797. Л. 39–40]. Ради ее проведения мы собирались мальчишескими компаниями на Рождество, ближе к полуночи, в темных кладовках или неосвещенных сенях наших домов. «Страшным» (и плохо узнаваемым) голос становился оттого, что человек закидывал вверх голову и начинал говорить на вздохе или измененными горловыми звуками. Обязательное условие игры — запрет держаться за руки или незаметно прикасаться друг к другу любой частью тела. Сюжеты наших детских «пуганий» были незатейливы: мол, к нам в компанию прокрался черт или домовый дух, из туалета в сени лезет холодный покойник и вот-вот кого-то схватит и т.п. Последний раз организовать эту игру на нашем краю города старшие ребята попытались в 1965 г. Мне было поручено привлечь сверстников и младших, но я не стал никого созывать и сам не пошел, памятуя, сколько страха натерпелся раньше от этой игры. Только став этнографом, я понял, что оказался свидетелем окончательного излета одной из игр, некогда широко распространенной и служившей для традиционной «раздачи страха» в святочном календарном цикле.

Установить с точностью, хотя бы до десятилетия, когда старинные зимние святочные игры, включавшие «раздачу страха», начали отрываться от традиционной культуры и ее реального календаря, невозможно. Реминисценциями подобных игр в советское время были неизменно повторявшиеся в начале каждой смены в пионерских лагерях «рассказы о покойниках», которые в 1960–1970-е гг. превратились в классические «страшилки», а позднее — и в их пародии — «антистрашилки» [Чередникова 1995; Лойтер, Неёлов 1999; Лойтер 2001]. Приуроченность их исполнения к летнему периоду мало что меняет. Ведь и в прежние времена деревенская молодежь собиралась компаниями не только в зимние, но и в «летние» Святки. Причем самые большие компании образовывались на Петров день (12 июля н.ст.), точнее — на ночь, и отправлялись не куда-нибудь, а на кладбища. Как тут было ни прибегнуть к «раздаче страха»? Желание почесать языком насчет покойников и нечистых духов возникало у деревенской молодежи, и когда непогода заставляла укрыться в часовне или на сеновале.

В автобиографической повести вепского писателя Василия Петухова содержатся сведения о том, как в 1940-х гг. в школе-интернате его испытывали, закрыв одного на ночь на сеновале белой летней ночью [Петухов 1987: 11]. В летних «страшных рассказах» советской эпохи, которые звучали в пионерских лагерях, порой возникали зимние святочные мотивы. Например,

по словам племянницы автора, в конце 1980-х гг. в лагерях в селе Андома (Вытегорского района) неизменно рассказывали страшилку о стоге сена, который ежегодно на старый Новый год появлялся из проруби в реке и катился к сторожке при церкви. Когда сторож на стук открывал двери, из стога появлялась рука с ножом и убивала его. Образ стога сена, появляющегося из проруби, — типичный образ нарождающихся на рождество Святке или Сюндю и Виеристя (Визрестя) карел и вепсов [Георгиевский 1902; Винокурова 1996: 81; Конкка 2003: 131–134; 2009; Миронова 2009: 266–268; Иванова 2012: 75–104].

Нельзя не отметить, что к участию в рассказывании и слушании «страшилок» детей и подростков притягивает не одно «статусное» желание преодолеть страх и утвердиться за этот счет в подростковой иерархии. В 1997 г. в эколого-биологическом лагере автор стал свидетелем того, как подросток сначала никак не отреагировал на рассказанную у ночного костра леденящую душу страшилку. Выражение его лица и поза стали меняться лишь через полторы минуты. Со счастливым лицом, едва шевеля языком, он произнес: «Ну как же я (сильно) испугался!» Подросток был счастлив оттого, что некоторое время был буквально парализован страхом. Это наблюдение позволяет говорить об одной особенности в отношении к страху и боли. Страх переносят в играх, чтобы покичиться не только развитой выдержкой, но и глубиной переживания. Оказывается, этим можно даже бравировать. Не важно, насколько сильно паренек испугался, главное, что он пережил то, что довелось пережить не каждому его сверстнику.

В практиках «раздачи боли и страха» на традиционных молодежных беседах Обонежья особую роль играли такие персонажи, как «журавль» и гусь [Винокурова 1994: 47]. Их боялись маленькие дети, а иногда и девушки, поскольку удары «клювов», выполненных из зуба бороны, бывали весьма болезненными. По сообщению С.В. Максимова, мало кому из русских Карелии хотелось стать объектом «Игры в гуся» [Максимов 1994: 248]. Прецеденты, связанные с игровой «раздачей страха» на Святки, в отечественной этнографической литературе чаще всего описываются в составе так называемых «покойничьих игр» [Максимов 1994: 248–251]. На Святках Вытегорского уезда, представлявшего в XIX в. некое постстарообрядческое пространство со множеством строгих запретов, парни не заставляли девушек целовать «покойника» — обряженного в саван парня с измазанным мукой лицом. Хотя шутейные (страшные только для детской аудитории) «отпевания» порой разыгрывались. По окончании такого действия «покойника» клали в натуральный гроб, закрывали крышку, ставили гроб на санки и сталкивали вниз с горы [НАКНЦ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 401, 402].

Однако чаще на беседах Обонежья рассказывали страшные истории. Среди них попадались и такие [Кузнецова 1997: 103–104], услышав которые в летних выездных лагерях современные подростки боятся ходить в туалет и даже справляют нужду прямо у палаток. Стоит заметить, что использование ряжеными на Святки откровенно устрашающих масок, от вида которых слабонервные старики падали в обморок, было в Обонежье под строгим запретом.

Апофеозом традиций святочной «раздачи боли и страха» в районе Вытегры были кулачные побоища деревни на деревню, которые устраивали в Святки, по окончании игр в футбол тряпичным мячом [Вытегорский погост 1884]. Вне зависимости от результатов матча драку начинали сами игроки. Затем к ним присоединялись болельщики: взрослые, юноши и подростки. В конце 1950-х — начале 1960-х гг. данная традиция в Вытегре была жива, но уже утратила связь с народным календарем. Мальчишки, игроки и болельщики, всегда рисковали быть побитыми после встречи дворовых команд. Но спортивный характер любительских футбольных матчей быстро набирал силу. В 1967 г. автору в последний раз пришлось прибегнуть к самому весомому аргументу мальчишеских отношений — пригрозить команде противников, если те учинят послематчевую драку, привлечь друзей старшего брата. обстоятельный анализ причин драк, возникавших у русских после футбольных матчей, можно прочесть в известной статье об игре в ножички В.Н. Топорова [Топоров 1998].

В «Своде этнографических понятий и терминов» отсутствует определение понятия «игра народная». Зато утверждается, что детские игры *«обычно не связаны непосредственно с какой-либо продуктивной прагматической деятельностью»* [курсив наш. — К.Л.] и определяются не результатом игровых действий, а заключены в самом процессе» [Свод 1991: 47]. Это верно, однако в играх «раздачи боли и страха» нацеленность на отдаленную, но вполне «продуктивную» прагматику все же прослеживается. Это прагматика подготовки мальчика, подростка, юноши к взрослой жизни со всеми ее опасностями. Играмми, требующими преодоления боли и страха, пусть и не столь явно, как развлечениями с луком и стрелами или «сражениями на саблях» и другими военно-спортивными играми [Горбунов 1996], мальчишки готовили себя к взрослой жизни. Преодолевая в играх свои страхи и обучаясь переносить боль, мальчик обретал качества мужчины, в глазах советского ребенка образца 1950–1960-х гг. — практически «героя». Мужчины, и особенно герои, не плачут, когда им больно, и ничего не боятся. Таким образом, детско-юношеские забавы с «раздачей боли и страха», учитывая их общую «функциональную предназначенность»,

можно классифицировать в качестве самостоятельной категории народных игр, пусть и «утративших связи с ритуальной сферой в процессе исторической эволюции» [Свод 1991: 48].

Список сокращений

НАКНЦ — Научный архив Карельского научного центра РАН

Архивные материалы

НАКНЦ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 401. Логинов К.К. Полевой дневник № 1. 10.07–14.07.89. 103 л.

НАКНЦ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 402. Логинов К.К. Полевой дневник № 2. 14.07–21.07.89. 73 л.

НАКНЦ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 797. Логинов К.К. Полевой дневник № 3. Полевой сезон 2012 г. Южная Карелия, Петрозаводск, Вытегра, Сортавала. 41 л.

Библиография

Винокурова И.Ю. Календарные обычаи, обряды и праздники вепсов (конец XIX — XX в.). СПб.: Наука, 1994.

Винокурова И.Ю. Традиционные праздники вепсов Прионежья (конец XIX — начало XX в.). Петрозаводск.: ПетрГУ, 1996.

Волдченко В., Юмашев В. Выходи играть во двор. М.: Молодая гвардия, 1984.

Вытегорский погост // Олонецкие губернские ведомости. 1884, 27 июня. № 47.

Георгиевский А. Народная демонология // Олонецкий сборник: Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Петрозаводск: Петрозаводская губ. тип., 1902. Вып. 4. С. 53–61.

Иванова Л.И. Персонажи карельской мифологической прозы: Исследования и тексты быличек, бывальщин, поверий и верований карелов. М.: Ун-т Дм. Пожарского, 2012.

Горбунов Б.В. Традиционные народные военно-спортивные игры как элемент перехода из одной возрастной группы в другую у восточных славян // Мир детства и традиционная культура: Сб. науч. трудов и материалов / Сост. И.Е. Герасимова. М.: ГРЦРФ, 1996. Вып. 2. С. 21–29.

Конкка А.П. Святки в Панозере, или Крещенская свинья // Панозеро: сердце Беломорской Карелии / Под ред. А.П. Конкка, В.П. Орфинского. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2003. С. 130–153.

Конкка А.П. Календарная мифология и обрядность сямозерских карел // История и культура Сямозерья / Отв. ред. В.П. Орфинский. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. С. 301–324.

Кристи Н. Пределы наказания. М.: Прогресс, 1984.

[*Кузнецова*] Предания и былички / Изд. подгот. В.П. Кузнецова. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1997. (Памятники русского фольклора Володозерья).

- Логинов К.К.* Традиционный жизненный цикл русских Водлозерья: обряды, обычаи и конфликты. М.; Петрозаводск: Рус. фонд содейств. образ. и науке, 2010.
- Лойтер С.М.* Русский детский фольклор и детская мифология: Исследование и тексты. Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 2001.
- Лойтер С.М., Неёлов Е.М.* Современный школьный фольклор: Учеб. пособ. Петрозаводск.: Изд-во ПетрГУ, 1999.
- Максимов С.В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб.: Полисет, 1994.
- Мид М.* Культура и мир детства. М.: Наука, 1988.
- Миронова В.П.* Зимние Святки у ливвиков (по полевым материалам 1990–2000-х гг.) // Проблемы духовной культуры народов Европейского Севера и Сибири: Сб. ст. памяти Ю.Ю. Сурхаско. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. (Гуманитарные исследования. Вып. 2). С. 265–270.
- Петухов А.В.* Без отца: Повесть. М.: Дет. лит., 1987.
- Покровский Е.А.* Детские игры, преимущественно русские (в связи с историей, этнографией, педагогией и гигиеной). СПб.: Фирма «Ланс», 1994 (репринт).
- Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 4: Народные знания, фольклор, народное искусство. М.: Наука, 1991.
- Топоров В.Н.* Детская игра «в ножички» и ее мифоритуальные истоки // Слово и культура: Памяти Никиты Ильича Толстого: В 2 т. М.: Индрик, 1998. Т. 2. С. 242–272.
- Чердников М.П.* Современная русская детская мифология в контексте фактов традиционной культуры и детской психологии. Ульяновск: Лаб. культурологии, 1995.
- Щепанская Т.Б.* Зоны насилия (по материалам русской сельской и современных субкультурных традиций) // Антропология насилия / Отв. ред. В.В. Бочаров, В.А. Тишков. СПб.: Наука, 2001. С. 115–177.
- Щепанская Т.Б.* Болевые игры // Игра и игровое начало в культуре народов мира / Отв. ред. Г.Н. Симаков. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 78–92.